

Отвечать придется тем, кто выступает на пике этих «реформ»

ИНТЕРВЬЮ С ВИКТОРОМ ПАНИНЫМ

(Продолжение. Начало на стр.1)

А что у нас? Решения в этой отрасли за последние десять лет принимаются без учета мнения широкой общественности, мнения профессионалов-экспертов в этих вопросах. Профессиональный уровень, компетентность лиц, которые проводят сегодня так называемые реформы в образовании, выступают «проводниками реформаторских идей в массы», исполнителями, оставляют желать лучшего.

На уровне идеологии в результате реформ мы имеем падение качества российского образования ниже критической отметки, растущее недоверие работодателей к дипломам отечественных вузов и уровню подготовки их выпускников, невероятно возросший уровень коррупции в образовательной сфере, деградацию системы воспитания молодежи и т. д.

Все это вынуждает нас более активно включаться в борьбу за другое будущее, и одним из шагов на этом пути явилась акция «ОФФ!», направленная на отставку министра образования А. А. Фурсенко.

Конечно, это не его личная инициатива проводить такую политику, инициатива исходит от элитообразующих групп. Но, тем не менее, Фурсенко как руководитель профильного федерального министерства, безусловно, напрямую способствовал воцарению хаоса в нашем образовании, а значит, должен за это отвечать.

Говоря про ЕГЭ, следует отметить еще одну важную деталь – реализация этого механизма была запущена на средства, выделенные России в кредит по линии Всемирного банка. Еще в 1997 году Международный Банк Реконструкции и Развития подписал соглашение с правительством РФ о выделении 70 млн. долларов США на реализацию реформы образования. Через год-полтора было подписано очередное соглашение на сумму уже 100 млн. долларов, потом было выделено еще 50 млн. долларов. О дальнейшем истории умалчивает.

– Стоял ли вопрос о борьбе с коррупцией в образовании при внедрении ЕГЭ?

– Нет, когда внедряли ЕГЭ, о борьбе с коррупцией не было и речи. Ведь в чем первоначально была суть внедрения ЕГЭ, и какие цели озвучивались идеологами?

Во-первых, добиться объективности при сдаче выпускных и вступительных экзаменов, тем самым опосредованно повлияв еще и на повышение качества образования школьников; во-вторых, реализовать более справедливый принцип распределения бюджетных средств в системе высшего профессионального образования через механизм адресного финансирования – так называемые ГИФО (государственные именные финансовые обязательства).

Но ни одной из заявленных целей при внедрении ЕГЭ не добились, и тогда в головах «реформаторов» родилась идея новой аргументации «за ЕГЭ» – это борьба с коррупцией. На практике ЕГЭ серьезно модернизировал лишь коррупционные схемы, сделав их более эффективными и повсеместными, фактически мультипли-

цировал коррупцию на новом небывало масштабном уровне.

Поэтому сейчас мы настаиваем на создании независимой профессиональной экспертной комиссии с участием государственных и общественных структур для объективного расследования всех обстоятельств и последствий введения ЕГЭ.

– В каких странах была апробирована система тестирования на экзаменах?

– Изначально чиновниками была взята за основу в качестве аналога система тестирования, которая некоторое время использовалась в США, хотя там нет нашего ЕГЭ в чистом виде. Она вводилась при президенте Буше, который остался в истории как «не самый интеллектуальный президент». Система тестирования в США сейчас сворачивается. Нынешний президент Барак Обама выделил 4 триллиона долларов на свертывание системы тестирования, так как, по его словам, «он не хочет, чтобы происходила дальнейшая дебилизация нации».

Первые руководители государства должны отдавать себе отчет в том, что с их либо молчаливого согласия или с их прямого указания осуществляется развал нашей системообразующей сферы – образования.

– Расскажите, пожалуйста об истории с «новыми» российскими образовательными стандартами?

– Новые образовательные стандарты – это неотъемлемая часть реформ, и они разрабатывались в кругу все тех же людей, которые продвигали ЕГЭ.

Эта группа лиц реализует и другие «реформаторские» идеи, такие как сокращение малокомплектных школ, ликвидация этих школ через различные механизмы слияния, присоединения, просто закрытия и т. д.

По большому счету, они обеспечивают выполнение тех условий, которые России выдвигал Всемирный банк при выделении заемных средств на реформу образования и внедрение ЕГЭ. Есть длинный список таких условий, при которых эти средства выделялись.

Не буду все перечислять, однако скажу, что там присутствуют, например, такие требования: ликвидация педагогических институтов, университетов как ненужного звена в системе отечественного образования; сокращение, ликвидация профтехучилищ, техникумов, которые, по мнению Всемирного банка, в России не способны к реформированию.

Мы видим, как эти условия совершенным образом реализуются на территории нашей страны, насколько бы абсурдными они ни были. Я не знаю ни одного пункта из этого списка Всемирного банка, который на сегодняшний день не продвинулся бы у нас в стране в своем решении. Увы, все это наводит на грустные мысли.

– Выходит, наша реформа не является

разработкой собственных идей, а лишь выполнением условий кредитора?

– Я знаю большое количество серьезных научных деятелей, которые являются практиками, авторитетных педагогов, известных политиков, которые не просто выступают против такой реформы образования – они считают эти действия разрушительными, вредительскими.

На мой взгляд, среди нынешних «реформаторов» есть люди, которые неосознанно фактически осуществляют предательство, но есть и те, кто делает это совершенно сознательно, понимая, к чему все идет. От этого простым гражданам не становится легче, и тяжесть принимаемых решений, тяжесть последствий тоже никуда не деваются. За это кому-то рано или поздно придется отвечать.

И отвечать придется той команде, тем лидерам, которые выступают на пике всех этих «реформ». Первые руководители государства должны отдавать себе отчет в том, что с их молчаливого согласия или прямого указания осуществляется развал нашей системообразующей сферы – образования.

– При поступлении в школу детей заставляют проходить тестирование и собеседование, которые иначе как экзаменом не назовешь. Кто устанавливает такие правила?

– При приеме в школу по закону не могут проводить никаких тестирований, тем более экзаменов. Это явное нарушение действующего законодательства.

Подобные вещи часто используют с одной целью – заработать на этом деньги, то есть сознательно создать барьер для входа, чтобы преодолеть его можно было за какое-то вознаграждение. Сейчас такая незаконная практика распространена не только на уровне школ, но и в детских садах. Чтобы просто попасть в детский сад при нынешней катастрофической нехватке мест людям приходится зачастую платить серьезные деньги.

Если и семья, и общество заботятся о ребенке, заботятся о его воспитании, думают об этом процессе вместе, тогда и семья не будет ущемлена, и государство не будет чувствовать излишней социальной напряженности.

– Насколько обоснованы тревоги родителей о снижении качества обучения в школах за счет притока детей эмигрантов, которые не знают языка?

– Это, скорее всего, проблема крупных городов, мегаполисов, таких как Москва и Санкт-Петербург. Другие города пока меньше подвержены этой проблеме, и нельзя сказать, что она такая уж системная.

Для Москвы – да, это серьезная головная боль Департамента образования, который занимается этой проблемой. Тут однозначных решений быть не может – это

Заместитель председателя Комитета Общероссийского общества защиты прав потребителей образовательных услуг Виктор Панин

предмет для рассуждений, размышлений экспертов.

– Кто должен учить детей толерантности? Школа, семья?

– Толерантность во всех смыслах будет полезна и тем, кто принимает, и тем, кого принимают в школу.

Но этому нужно учиться всем вместе, всему обществу. На сегодняшний день, к сожалению, о толерантности говорить не приходится по ряду причин. Во-первых, предпосылки к этому может быть и есть, но нет желания у отдельных социальных групп или политических деятелей участвовать в развитии этого механизма.

Во-вторых, со стороны тех, кто приезжает, тоже не всегда есть готовность к ассимиляции и люди стараются противопоставить себя окружающему миру, общаться своей отдельной группой, сообществами, землячествами и т. д.

– А пока отношение к детям эмигрантов полностью зависит от конкретного учителя, от руководства школы?

На мой взгляд, ничего хорошего нет в закрытости и гламурности. Чем больше ребенок будет открыт, тем более он будет коммуникабелен с точки зрения впитывания различных элементов культур, не теряя при этом свое собственное, присущее его семье самобытность и традиции.

С одной стороны это кажется сложным, с другой все очень просто. Если и семья, и общество заботятся о ребенке, заботятся о его воспитании, думают об этом процессе вместе, тогда и семья не будет ущемлена, и государство не будет чувствовать излишней социальной напряженности. Это идеальная ситуация, но нам до нее еще идти и идти.

Ульяна КИМ

Печатается с сокращениями.

Полный текст: <http://www.epochtimes.ru/content/view/50790/54/>